Но образ Линь Чушэна строился на амплуа усердного двадцатичетырёхсыновнего ученика — заурядного старшего ученика, который во всём подчиняется лишь Наставнику. Поэтому он с искренним выражением лица произнёс:

— Юань Юань, глава павильона Иньфэн — поистине выдающийся человек среди нашего поколения. Ученик восхищается им в душе и непременно будет у него учиться.

Учиться, учиться, учиться — учиться у него разве что обману и надувательству? — усмехнулся про себя Линь Чушэн. Обладай Линь Чушэн хоть половиной его мастерства плести интриги, он бы точно бросил ремесло старшего ученика и подался в Башню Героев рассказывать сказки ради пропитания.

Тяга Линь Чушэна к Башне Героев не менялась уже лет десять. Если подумать, с тем лицемером у него там было связано одно старое происшествие.

Припомнив это, Линь Чушэн умерил силу, и деревянный меч шлёпнул дрожащие подколенные впадины ученика Павильона Иньфэн, что отдавало изрядной долей сведения личных счетов. Однако зеленцы всем сердцем благоговели перед старшим учеником и не замечали затаённой у Линь Чушэна вредительской нотки. Младший ученик, получивший удар по коленям, потерял равновесие, шмякнулся на задницу и обиженно пискнул:

— Ой!

Линь Чушэн бесстрастно произнёс:

— Бёдра должны быть на параллели с коленями.

Услышав наставление старшего ученика, тот немедленно вскочил, отряхнул пыль с ягодиц и с восторгом отрапортовал:

— Спасибо старшему ученику за указание!

Линь Чушэн подумал про себя: тц, глупец, меня же отлупил, а ещё и благодарит.

Наступила ночь. У Линь Чушэна зачесались руки — ему безумно захотелось потрогать те завораживающие кости и игральные карты. Поэтому он снова надел маску и прямиком направился в Башню Героев.

Башня Героев и впрямь собирала цвет со всех окрестностей: на первый взгляд — обычный трактир для отдыха и трапезы, а впотьмах — игорный дом.

После наступления темноты вежливые гости сбрасывали человеческие личины в ночном мраке, и здесь сбегались всевозможные демоны и духи. Люди в капюшонах являли миру лишь алые глаза, исступленно колотя по столам и горланя за игорными столиками. Ставки на фишки, игра в листья, крепкое вино, водные трубки и золотые слитки.

Линь Чушэн протиснулся через потаённую дверцу в это бурлящее пространство, словно шагнул из мира людей на тропу демонов: все кругом орали и хохотали, а их жадные, безобразные лица обнажались во всей красе.

Он по привычке отыскал путное местечко, уселся и высыпал на стол собственные фишки, мгновенно привлекая толпу отчаянных игроков.

Прислонившись к игорному столу, Линь Чушэн бросил алый стеклянный кубик. Чистый, звенящий хрусталём кубик закрутился волчком по столешнице, и в конце концов выпала цифра кверху. Он нахмурился: очко оказалось слишком мелким.

Сидящий напротив противник швырнул синий кубик, а затем поднялся, не сводя глаз с вращающейся и перекатывающейся мелочи. Линь Чушэн заметил, как из-под капюшона соперника блеснула пара алых глаз, впившихся в игровой стол, словно от этого лёгкого кости зависела его собственная жизнь. Затем тот зачастил дыханием, а скрытое под капюшоном лицо покрылось испариной…

Наконец, этот человек яростно хлопнул обеими руками по столу, заставив его содрогнуться, и взревел:

— Больше! Удваиваем ставку!

Тогда Линь Чушэн увидел, как под воздействием хитроумного механизма стол накренился, и водопад фишек хлынул на противоположную сторону. Он проиграл.

Линь Чушэн низко опустил капюшон и молчал. Он поднёс к губам мундштук водной трубки, затягиваясь дымом и выпуская густые клубы на фоне звенящих фишек. Его зрачки слегка сузились от возбуждения, а рука, державшая трубку, чуть подрагивала. Он приоткрыл рот, выдыхая дым так, словно извергал скопившуюся в груди злобу. За игорным столом он вёл себя так же, как и в тренировках с мечом — любил ходить по краю лезвия.

Его наивный и чистый Наставник хоть и не раскусил его простодушную фальшивую маску, но однажды изрёк: «Чу Шэн, твоё сердце неспокойно». Линь Чушэн почтительно склонил голову в знак согласия. В душе же он думал, что, произнося последние два слога его имени, Наставник словно приговаривает: «Скотина, твоё сердце неспокойно».

Линь Чушэн знал, что он не добрый человек. Благопристойный лицемер — пожалуй, лишь это звание с натяжкой подходило такой скотине.

В этот момент из толпы выпорхнула утончённая красавица в лёгких одеждах, и её мягкие, словно лишённые костей руки обвились вокруг плеч Линь Чушэна.

Линь Чушэн хриплым изменённым голосом промолвил:

— Добрый вечер, Ин Нян.

Ин Нян перевела взгляд, изобразив на лице обиженное выражение, и проворковала:

— Молодой господин так долго не заглядывал, даже удача отвернулась… А уж тамошние юноши из заведения Ин Нян как сильно по вам скучали.

Линь Чушэн отделался отговоркой:

— В последнее время был занят.

При мысли об этом на душе у Линь Чушэна воцарилась тоска. Не случись тогда того происшествия, сейчас его постель не ограничивалась бы одним лишь Хун Чу. От той истории Линь Чушэн был готов хандрить до конца дней.

Всё было до банального просто: если вкратце, в Башне Героев его опоили зельем, а после он оказался в постели с Юань Юанем — этим прилипчивым лицемером.

Он приставил собственный меч к горлу лицемера, лишив того возможности улыбаться и заставив донельзя затвердеть.

Линь Чушэн с поразительной непринуждённостью подался назад, принимая в себя этот длинный и твёрдый раскалённый шест.

Хозяин кочерги заскжетал зубами, прекратив изрыгать свои усыпляющие в будни длинные бессмысленные речи, и бросил первую за вечер фразу:

— Я тебя уделаю до смерти.

Линь Чушэн хриплым голосом внёс предложение:

— Кончай меня орально.

Последовавший совету человек действовал без промедления: ухватив Линь Чушэна за обе руки, он закружил его в бурной и беспощадной пляске.

В ту ночь Линь Чушэн сорвал голос от криков. Хрипота в голосе возникла вовсе не оттого, что он её подделывал, а потому что он орал всю ночь напролёт.

Однако лицемер не улыбался и не останавливался. Будучи простым смертным, он обладал такой недюжинной силой, что Линь Чушэну невольно вспоминался наделённый природной мощью Хун Чу, от чьих ласк он каждый раз умирал на ложе смертной тоской.

В тёмных, непроницаемых глазах лицемера плескались пугающее вожделение и презрение. Одной рукой он придерживал Линь Чушэна за талию, другой — сжимал его подбородок, и, припав лицом в маске, закрывавшей верхнюю половину лица, впился в его губы.

Линь Чушэн поморщился от боли, и на его губах выступила кровь, яркая, как румяна.

Но Линь Чушэн не собирался сдаваться без боя: приставив острие меча к шее лицемера, он выругался:

— Не кусайся, пёс сутулый.

Упёршись в лезвие меча Линь Чушэна, лицемер вымолвил вторую фразу за вечер:

— Разгляди хорошенько, кто перед тобой.

Это были лучшие покои в Сяоляньлоу, где в этот день заблаговременно зажгли огни. В комнате стояло яркое освещение, отчетливо высвечивавшее разбросанные по полу верхние одежды и нижнее белье — по этому зрелищу несложно было догадаться, сколь безумная и сладострастная ночь выдалась в этих стенах.

Хун Чу обожал поспать подольше. Однако слепящий свет лампы бил прямо в глаза и всё-таки разбудил его. Перевернувшись, он с трудом приоткрыл один глаз и глянул в сторону окна: на улице по-прежнему царил кромешный мрак. Толком не проснувшись, он прищурившись притянул валявшуюся рядом подушку и швырнул её в сторону края кровати — снаряд полетел прямо в Линь Чушэна.

Линь Чушэн поднял руку и поймал летящую мягкую подушку:

— Чего с ранья бузишь?

Хун Чу, взлохматив волосы, приподнялся на локте и принялся бранить его:

— Сам же знаешь, что рань… Нажег столько ламп, ослепнуть хочешь?

Линь Чушэн бросил:

— Не собираюсь с тобой пререкаться, у меня сегодня дела.

Прищурившись и зевнув, Хун Чу протянул:

— Ого, старший ученик, да у тебя ещё и дела имеются?

Линь Чушэн поправлял перед зеркалом маску на лице и раздраженно бросил:

— Этот банный лист прилип к Секте Уцзи, сегодня опять придется вести словесные баталии с этим дурнем.

Хун Чу повеселел: перевернувшись на постели, он подпёр голову рукой и поинтересовался:

— Тот сегодняшний дурень — часом не тот самый лицемер, о котором ты болтал?

Линь Чушэн ответил:

— Он самый.

Хун Чу лукаво блеснул глазами и спросил:

— А как его зовут?

Линь Чушэн бросил:

— Юань Юань… Тьфу, какого чёрта ты расспрашиваешь?

Линь Чушэн подошёл к краю кровати и стукнул Хун Чу по макушке складным веером:

— Желаешь разбогатеть — не суй нос куда не просят… Деньги за этот месяц я у хозяйки борделя уплатил, и те шёлковые отрезы, что покупал в прошлом месяце, тоже за тебя закрыл.

Хун Чу, разглядывая собственные ногти, небрежно бросил:

— Знаю, знаю.

Присев на корточки у края кровати, Линь Чушэн ущипнул Хун Чу за щёку и проскрежетал сквозь зубы:

— Раз я трачу на тебя деньги, я твой благодетель, благодетель! Ты должен мне подчиняться.

Хун Чу закатил глаза и смахнул руку Линь Чушэна, щипавшую его за щеку.

Линь Чушэн привычно проигнорировал это и повернулся дальше собирать свои вещи.

Спустя мгновение Хун Чу зловещим голосом произнёс ему в спину:

— Благодетель.

У Линь Чушэна от этого обращения мурашки побежали по коже; он обернулся на сидевшего на постели юношу с озадаченным видом.

Хун Чу лениво протянул:

— Вчера на ложе благодетель изволил выкрикивать имя… Юань Юань. — Наполовину облокотившись на изголовье, он смотрел на Линь Чушэна с полуулыбкой.

Юноша подпёр голову одной рукой, а другой поднёс два пальца к губам и, прищурив томные лисьи глаза, послал Линь Чушэну воздушный поцелуй. После чего язвительно добавил:

— Желаю благодетелю поскорее сдохнуть под каким-нибудь диким мужиком на стороне.

Когда глава павильона Юань прибыл с визитом в Секту Уцзи, его взору прежде всего предстал облаченный в белые одежды культиватор меча, стоявший у величественных и древних ворот секты. Его волосы стягивала простая деревянная корона, а спрятанный в ножны меч на поясе сидел как влитой. Вид он имел статный, горделивый, отрешенный и красивый.

Глава павильона Юань улыбнулся:

— Прошу прощения, что заставил соплеменника ждать.

Этот культиватор меча возрастом был равен ему самому, но по старшинству в иерархии действительно уступал на ступень.

Культиватор меча, сложив руки с мечом в приветственном жесте, поприветствовал гостя:

— Ученик Линь Чушэн приветствует главу павильона. Прошу прощения, что не встретил должным образом.

Линь Чушэн шагнул в сторону и произнес:

— Прошу вас, глава павильона.

Лишь тогда Юань Юань заметил, что за спиной старшего ученика Секты Уцзи выстроились две шеренги встречающих учеников, причем построение было безупречным. Каждый выглядел бодрым и полным сил, что оказало главе павильона Юаню поистине царский приём. Человек этот явно умел вести дела. Юань Юань невольно задержал на Линь Чушэне взгляд, запечатлев его в памяти.

В прошлом году на съезде бессмертных заклинателей Юань Юань попытался одурачить главу Секты Уцзи, да чуть было не сорвал всё дело из-за вмешательства Линь Чушэна.

Тогда Линь Чушэн с покорным видом стоял за спиной Юань Юаня и Сяо Усиня, слушая соловьиные трели этого лицемера. У Линь Чушэна не переставая дёргался веко — скверно, левый глаз к потере денег.

Юань Юань с искренней улыбкой расписывал Наставнику Линь Чушэна золотые горы в самых ярких красках:

— Глава секты Сяо, если вы окажете содействие в размере тысячи золотых лянов, мы непременно сможем возвести куда более прочную арену для состязаний! Это имеет неоценимое значение для становления молодых талантов!

У Линь Чушэна сердце ёкнуло: его досточтимый Наставник больше всего на свете обожал помогать «становлению молодых талантов».

И точно, стоило его Наставнику взмахнуть широким рукавом — от мелькания белой ткани у Линь Чушэна аж в глазах защипало, — как тот уже собрался дать согласие… Как вдруг Линь Чушэн с громким стуком брякнулся на колени прямо перед ними обоими, до смерти напугав Юань Юаня, у которого даже расплескался чай в чашке.

Стоя на коленях, Линь Чушэн щедро лил крокодиловы слёзы, причитая о том, каков он бездарный и как сильно из-за него кру крутится Наставник, и искренне полагая, что подобные траты никоим образом не способны превратить такую бестолочь, как он, в нечто стоящее, и бла-бла-бла — целый поток бессмысленных речей.

Линь Чушэн вещал с поникшей головой столь жалобно, что взгляды Юань Юаня полосовали его тело не хуже бритв, а сердце его Наставника сжималось от жалости, и тот лично поднял ученика с земли.

http://bllate.org/book/30077/3664708